

Анне-Кам.
Вестли

ЗНАКОМЬТЕСЬ,
ГЮРО!

Анне-Катрине Вестли Знакомьтесь, Гюро

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69608329

Знакомьтесь, Гюро. повести: Махаон, Азбука-Аттикус; Москва; 2016

ISBN 978-5-389-14292-3

Аннотация

Вы наверняка помните истории про папу, маму, бабушку, восемь детей и грузовик. В этой книге вы познакомитесь с новыми героями Анне-Катрине Вестли: маленькой девочкой Гюро, её мамой Эрле, которая стала дворником, бывшей телефонисткой Тюлинькой, которая теперь стала дневной мамой для Гюро, Индивида (очень весёлого щенка) и друга Гюро Сократа, которого ещё зовут Нильсом, и многими другими.

Содержание

Гюро	8
Маленький мальчик	11
Тюлинька	27
Недоразумение	45
Мама на стремянке	58
Мама малярничает	78
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Вестли А.

Знакомьтесь, Гюро

Повести

Anne-Cath. Vestly GURO

Перевод с норвежского Л.Г. Горлиной

GURO OG NØKKEROSENE

Перевод с норвежского И.П. Стребловой

GURO Copyright © Gyldendal Norsk Forlag AS 1975

© Горлина Л.Г., наследники, перевод на русский язык,
2016

GURO OG NØKKEROSENE Copyright © Gyldendal Norsk
Forlag AS 1976

© Стреблова И.П., перевод на русский язык, 2016

© Бугославская Н.В., иллюстрации, 2016

© Издание на русском языке. Оформление.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2016

Machaon®

© Gyldendal Norsk Forlag AS 1975

© Горлина Л.Г., наследники, перевод на русский язык,
2016

© Gyldendal Norsk Forlag AS 1976

© Стреблова И.П., перевод на русский язык, 2016

© Бугославская Н.В., иллюстрации, 2016

© Издание на русском языке. Оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2016 Machaon®

* * *

Гюро

Перевод с норвежского *Л. Горлиной*

Маленький мальчик

В поезде Гюро сидела тихо как мышка. В голове у неё теснились всякие мысли. Она думала сразу о многом: и о странном сегодняшнем дне, и о том, что мелькало за окном вагона, и о маме, у которой в глазах стояли слёзы, оттого что ей не хотелось уезжать. Правда, мама говорила, что это от простуды, но Гюро всё поняла: просто мама не хочет, чтобы Гюро знала, что она плачет.

Да, Гюро прекрасно поняла маму.

– Надень шарф, а то ещё больше простудишься, – сказала она.

Мама улыбнулась и буркнула: «Угу». Она видела, что Гюро понимает, что она только делает вид, будто простужена, потому что не хочет огорчать Гюро своими слезами.

Гюро и самой было невесело и тоже не хотелось, чтобы это было заметно. Она сидела и вспоминала всех, с кем простилась сегодня утром, в том числе и красный автобус, который привёз их на станцию. Автобус был последний, кому она сегодня сказала: «До свидания». Он привёз их на станцию, развернулся и поехал домой, только уже без них.

Вскоре к перрону подошёл поезд, и Гюро с мамой стали искать свободные места. Им посчастливилось найти два местечка у окна. Они сидели друг против друга и могли сколько угодно смотреть в окно. Постепенно мысли Гюро пере-

ключились на то, что она видела за окном. Вон стоит один дом, рядом – другой, и во всех домах живут люди. Интересно, как они выглядят? За домами начинались заснеженные поля. Потом поля сменил лес, и, наверно, в лесу стоял лось. Только бы он не вздумал выйти на рельсы, ведь он может попасть под поезд. Но вот лес кончился, и поезд остановился у новой станции. На платформе было много людей, они все собирались куда-то ехать. Может, кто-нибудь сядет и в их купе? Когда папа Гюро был болен, он однажды сказал:

– Вообще-то, Гюро, всем людям на земле следовало бы познакомиться друг с другом. Жаль только, что это трудно сделать.

– Тогда бы им пришлось всё время ездить и говорить друг другу: «Здравствуй, вот мы и познакомились!» или «Здравствуй, теперь мы с тобой знакомы!», – сказала Гюро.

– Да, им пришлось бы ездить из страны в страну, и у них больше ни на что не осталось бы времени. Но если ты как следует познакомишься с самой собой, тебе будет легче понять и другого человека. И получится, будто ты немножко знакома со всеми людьми.

Гюро считала, что уже неплохо познакомилась с самой собой, и сейчас ей не терпелось, чтобы кто-нибудь сел рядом с ними. Но пассажиры спешили мимо, пока наконец какая-то важная дама в сопровождении молоденькой девушки и маленького мальчика не остановилась у их купе.

– Здесь свободно? – спросила она.

– Да, пожалуйста, – ответила мама. – Сейчас я уберу сумку.

Новые пассажиры уселись и замолчали. Взрослые смотрели в окно, но мальчик смотрел только на Гюро. Гюро тоже смотрела на него, они глядели друг другу прямо в глаза. Вдруг мальчик скорчил рожу. Конечно, ему гораздо больше хотелось бы попрыгать с Гюро, может быть, даже потолкать её немножко, побегать наперегонки. Мало ли есть способов познакомиться друг с другом! Это только взрослые торжественно раскланиваются и говорят: «Разрешите представиться, моя фамилия такая-то...»

Мальчик продолжал корчить рожи, и если тебе хочется знать, как он выглядел, опусти уголки рта, будто собираешься заплакать, сощури глаза и сморщи всё лицо, чтобы оно было похоже на печёное яблоко.

Мальчик проделывал это очень быстро. Гюро слегка улыбнулась. Вообще-то ей было сейчас не до улыбок: она должна показать этому мальчику, что умеет корчить рожи ещё почище, чем он. Её мама, сидевшая рядом с мальчиком, не видела его кривляний, зато Гюро была хорошо видна ей. Мама возмутилась.

– Гюро, как ты себя ведёшь! Сию же минуту перестань! – воскликнула она.

Гюро строго взглянула на маму – та ей помешала сделать очень смешную рожу. Правда, Гюро тут же забыла о маме; засунув в рот большие пальцы, она оттянула книзу уголки

губ. Она знала, что выглядит сейчас очень непривлекательно – не зря она много раз проделывала это перед зеркалом.

– Гюро, прекрати! – сказала мама.

Словно очнувшись, Гюро опять взглянула на маму.

Оттого что в купе сидели чужие люди, мама стала непохожа сама на себя. Лицо у неё было суровое, и голос звучал строго.

Разве так разговаривают друг с другом настоящие друзья? А ведь перед отъездом, когда им обоим было грустно оттого, что с ними больше нет папы и что им приходится навсегда покинуть свой маленький домик у шоссе, мама сама сказала, что они должны быть друзьями.

«Настоящие друзья всегда помогают друг другу», – сказала она в тот вечер.

Гюро, точно мешок, сползла со скамейки на пол. Внизу неприятно пахло трубами, обогревавшими вагон, и пол был заляпан грязью от мокрых башмаков и сапог, которые прошли здесь за день. Неожиданно кто-то плюхнулся на пол рядом с Гюро. Это был мальчик. Он толкнул её, и она в ответ толкнула его.

И тут же на полу зашевелились все ноги. Несмотря на то что проход между скамейками и столиком был очень узкий, мальчик был поднят и водворён на прежнее место. Потом от окна двинулись мамины сапоги, и высоко над Гюро раздался её голос:

– Прошу прощения за беспокойство, но здесь так тесно,

я только подниму её.

Мама подняла Гюро и весьма решительно посадила на место. Мать мальчика сунула ему в руку сдобную булочку.

– Я предупреждала тебя, что ты поедешь с нами, только если будешь хорошо себя вести.

Мама вернулась в свой уголок и снова стала смотреть в окно. Гюро тоже повернулась к окну, но видела она плохо – глаза ей застлали слёзы. Из-за них казалось, будто от деревьев исходят сверкающие лучи. К тому же у неё потекло из носа. Гюро украдкой вытерла нос. Когда её слёзы высохли, она повернулась к незнакомой даме.

– Моя мама ни капельки не простужена! – сказала она.

Дама удивилась.

– Вот и хорошо, – сказала она, – а то сейчас все болеют гриппом.

Мама на секунду растерялась.

– Боюсь, Гюро, что теперь ты простудилась, – сказала она и улыбнулась. – Может, хочешь бутерброд с яйцом?

Гюро отвернулась к окну, подумала секунду и подняла на маму глаза.

– Мы квиты, – сказала мама.

Она произнесла это самым обычным голосом, и Гюро поняла: мама знает, что они обе вели себя не совсем так, как подобает добрым друзьям.

– Хочу, – сказала она, глядя на бутерброд.

Ей и в самом деле захотелось есть, и от этого стало ве-

село. Так же весело ей становилось, когда папа называл её жеребёночком, потому что она любила бегать. Больше всего на свете Гюро любила быстро бегать, так быстро, что казалось, будто не бежишь, а летишь. «Жеребёночек Гюро, быстрый как ветер», – говорил папа, и Гюро очень нравилось, когда он так называл её. Но это бывало редко, чаще всего он звал её просто «доченькой», а когда ей хотелось спать, он называл её «соней». А ещё папа звал её «порохом» – это когда она сердилась, и, если она сердилась долго, он говорил, что она «злючка-колючка».

– Вкусно, Гюро? – спросила мама.

– Ага, – ответила Гюро, – давай и мальчику дадим бутерброд.

– Спасибо, ему достаточно булочки, – сказала дама. – И поскольку вы обе простужены, ему лучше воздержаться от вашего бутерброда.

Гюро кивнула с серьёзным видом, а мама, чтобы скрыть улыбку, прижала платок к губам. Но Гюро видела, как над платком смеются её глаза.

Наконец мама справилась со своим смехом.

– Вы едете до Осло? – спросила она даму.

Так, благодаря детям, простуде и бутерброду, наконец познакомились и взрослые.

– Да, мы провожаем нашу сестричку, – сказала дама. – Она будет работать в городе на фабрике. К счастью, нам удалось снять для неё комнатку у наших знакомых. Тяжело отпускать дочь из дома, тем более что в городе человека подстерегает столько опасностей. Я её предупредила, чтобы она никогда не разговаривала с незнакомыми людьми и не носила с собой сумочку с деньгами. Говорят, в городе многоворишек...

– Мама, не надо, – перебила её дочь.

– Нужно ко всему относиться разумно, как в большом городе, так и в маленьком, – заметила мама Гюро. – Одним в Осло нравится, другим там не по душе. Но ведь и провинция нравится не всем. Вся разница в том, что в большом городе больше народу, но зато и больше возможностей.

– Вы, наверно, живёте в городе и ездили куда-нибудь в гости? – поинтересовалась дама.

– Нет, мы жили в маленьком посёлке, а теперь переезжаем в город, – ответила мама. – Пока я не найду работу и жильё, нам придётся жить в пансионате.

– Это очень неудобно, особенно если ты не одна, – сказала дама и взглянула на Гюро.

– Ничего, всё уладится, – сказала мама. – Конечно, первое

время нам придётся трудно. Когда-то у меня в Осло были друзья, но теперь они уехали, и я там никого не знаю.

— Но ведь мы можем со всеми познакомиться, — вмешалась в разговор Гюро.

— Смотрите, опять остановка, — сказала дама. — По-моему, этот поезд то и дело останавливается. Как называется это место? Ага, Бесбю. Красивое местечко.

К тому времени Гюро уже расправилась с бутербродом. Она посмотрела на мальчика, а потом выглянула в коридор. Там тоже были окна. Раньше у ближнего окна стоял какой-то человек, но он вышел в Бесбю, и теперь окно освободилось.

— Можно, я постою в коридоре? — спросила Гюро у мамы. — Я никуда не убегу.

— Пожалуйста, — ответила мама. — Только держись покрепче, а то упадёшь.

Вот теперь мама была такая, как всегда, и Гюро обняла её, словно хотела этим сказать, что она ею довольна.

Вслед за Гюро в коридор вышел и мальчик. Места у окна было достаточно для двоих.

Они одновременно приседали и подскакивали, с трудом удерживая равновесие, оттого что поезд очень трясло. Потом они поднимались на цыпочки или, растопырив пальцы, прижимали ладони к стеклу и смотрели сквозь них как сквозь решётку. Они даже не разговаривали, только точно повторяли все движения друг друга. Этого оказалось достаточно, чтобы подружиться.

Гюро сразу же захотелось, чтобы мальчик тоже жил в городе, в одном доме с нею или где-нибудь по соседству. Она даже представила себе, как они целый день вместе бегают и играют.

Поезд снова остановился.

– Как называется эта станция? – спросила Гюро.

– Кюлпен, – ответила мама.

– Кюлпен, Кюлпен, Кюлпен, – пропел мальчик и высунул язык.

– Кюлпен, Кюлпен, Кюлпен, – повторила Гюро, высунула язык, и они оба засмеялись.

– Вот весёлые дети! – сказал человек, севший в Кюлпене, он занял в их купе последнее свободное место.

– Они уже подружились, – сказала мама. – А ведь начали с того, что корчили друг другу рожи.

– Хм! – усмехнулся человек. – Представляю себе, как мы, взрослые, корчим друг другу рожи, когда хотим познакомиться.

Мама засмеялась, за ней засмеялись и дама с дочерью, а сам человек начал хохотать так, что чуть не задохнулся. В купе сразу стало шумно и весело. Забыв, что в поезде надо крепко держаться, мальчик упал, разбил нос и громко заплакал. Смех мгновенно утих.

– Вернись-ка лучше на своё место, Гюро, – сказала мама. – Тебе не мешает отдохнуть перед городом.

Город... Гюро уже почти забыла о нём. А ведь теперь они

с мамой будут жить в большом городе, о котором она не знает ничего, кроме того, что ей рассказывала мама. «Лучше бы мы всю жизнь ехали в поезде, — мечтала Гюро. — Мы бы здесь жили, спали на скамейках, а ели бы бутерброды. И мальчик жил бы с нами. Мы бы с ним смотрели в окно и пели. «Кюлпен, Кюлпен, Кюлпен». Под эти мысли Гюро заснула и проснулась только тогда, когда все кругом зашевелились и стали надевать пальто. Мальчик вцепился в рукав матери, испугавшись, как бы впопыхах она про него не забыла.

Теперь у Гюро с мальчиком уже не было времени поиграть друг с другом, они стали будто чужие. Но когда поезд остановился, мальчик, выходя из купе, обернулся к Гюро и скорчил ей рожу. И она поняла, что они всё-таки друзья.

Дама, простившись с Гюро и её мамой и поблагодарив их за компанию, быстро пошла к выходу, увлекая за собой сына. Ей не терпелось поскорей выйти из вагона.

— Мы тоже так побежим? — спросила Гюро.

— Нет, нам спешить некуда, — ответила мама. — Времени у нас достаточно, а чемоданы тяжёлые. Ты не забыла свой рюкзак?

— Вот он, — сказала Гюро. В этом рюкзаке лежали её самые любимые вещи: маленькая деревянная лошадка и карманный фонарик, трактор и молоток, тряпичная кукла и ещё всякая всячина.

А в больших тяжёлых чемоданах была их одежда, та, которая могла им понадобиться в первое время. Все же осталь-

ные вещи были сданы на хранение в Гампетрефе: Гюро и мама не могли взять их с собой, пока у них не было постоянного жилья.

В городе Гюро растерялась. Она крепко держалась за чемодан, так как свободной руки у мамы не было, а кругом раздавались незнакомые звуки, спешили, обгоняя друг друга, люди, и сновали маленькие жёлтые вагонетки – одни доставляли груз к поезду, другие, наоборот, забирали его из вагонов. Гюро никогда в жизни не видела такой сутолоки.

– Мы поедем на такси, – сказала ей мама, – смотри внимательней, ведь это твоя первая поездка по городу.

Они выбрали на вид самого доброго таксиста, и он помог маме поставить чемоданы в багажник. В машине у него играл приёмник.

– Видишь, Гюро, этой музыкой город говорит тебе: «Здравствуй!» – сказала мама.

Такси мчалось очень быстро, несмотря на то что на улице было много автомобилей. Наверно, водитель хорошо знал

дорогу. Вот он остановился у пансионата. Гюро увидела высокую каменную стену с множеством окон и тяжёлой дверью. Они с мамой вошли в эту дверь и оказались в небольшой тёмной комнате. Мама объяснила Гюро, что эта комната называется «вестибюль». Из вестибюля вели две лестницы, на одной из них было написано: «Пансионат», так что мама сразу поняла, куда надо идти.

На их звонок вышла какая-то женщина.

– Добро пожаловать, – приветливо сказала она. – Сейчас я покажу вам вашу комнату.

Они вошли в длинный-предлинный коридор, и хотя у Гюро за спиной был рюкзак, а на ногах тяжёлые башмаки, она попробовала пробежаться по этому замечательному коридору, так как весь день просидела в поезде неподвижно.

Однако хозяйка пансионата тут же остановила её.

– У нас нельзя бегать, – сказала она, – вдруг кто-нибудь из жильцов отдыхает после обеда. Мы, как правило, не принимаем жильцов с детьми. У нас тут все любят покой.

– Мы это учтём, – сказала мама. – Гюро, иди, пожалуйста, потише.

– Вот ваша комната, – сказала хозяйка, открыв одну из дверей.

Мама поблагодарила её, и они с Гюро наконец остались вдвоём.

В комнате стояла большая кровать для мамы и маленький диванчик для Гюро. Кроме этого здесь были стол, стул, боль-

шой платяной шкаф и маленький комодик.

Первым делом мама вытащила из чемодана папину фотографию, чтобы и он как будто был с ними, а потом застелила стол и комодик красивыми домашними салфетками.

— Ну вот, теперь здесь как дома, — сказала она. — Давай-ка поедим, а потом заберёмся ко мне на кровать и сыграем в лото.

— А как же мы будем мазать сажей нос тому, кто проиграет: ведь здесь нет печки? — спросила Гюро — дома они всегда так наказывали проигравшего.

— А мы это сделаем завтра, — сказала мама. — Я найду пробку, мы её обожжём, и у нас будет сажа.

Поев, они стали смотреть в окно на автомобили и прохожих, на уличные фонари и светящиеся витрины.

— Город как человек, — сказала мама. — Нужно время, чтобы с ним познакомиться. Нельзя сразу сердиться на него, а то никогда хорошо его не узнаешь.

— А в поезде мы с мальчиком познакомились очень быстро, — сказала Гюро. — Я на него ни капли не рассердилась, хотя и скорчила ему свою самую противную рожу.

Потом они уселись на мамину кровать и стали играть в лото.

— Как будто мы с тобой играем в лесу на полянке, — сказала Гюро.

— Да, и как будто нам очень весело и хорошо, — подхватила мама.

– Весело и хорошо нам с тобой не как будто, а на самом деле, – поправила её Гюро.

Тюлинька

Когда утром Гюро проснулась, оказалось, что она лежит уже не у мамы в постели, а на маленьком диванчике, который всю ночь притворялся, будто он тоже настоящая кровать. Мама встала рано. Она уже успела побывать в магазине и принесла домой хлеб, молоко, масло, сыр, несколько газет и карту города.

— Я хочу прочитать в газетах объявления насчёт работы, — сказала она. — А карта поможет нам добраться в любой уголок города.

— Лучше бы мы остались в Гампетрефе, — сказала Гюро. — Там у нас был такой красивый дом.

— Я ведь тебе объясняла, Гюро, — сказала мама, — что мы заняли много-много денег, чтобы купить этот дом. А когда папа заболел, нам стало нечем платить и пришлось его продать.

— Там у меня был гараж для велосипеда, а здесь нет даже и велосипеда, — вздохнула Гюро.

— Ну и что, — сказала мама. — Твой велосипед хранится на складе вместе с другими вещами. Придёт время — и он снова вернётся к тебе. Тем более сейчас зима и кататься на велосипеде всё равно нельзя.

— В том доме с нами был папа, а здесь его нет, — сказала Гюро.

– Это правда, – вздохнула мама. – Но раз мы его любим, значит, он с нами, хотя его больше нет в живых. Папа очень хотел, чтобы мы с тобой были друзьями и всегда помогали друг другу. Вот и помоги мне, скажи: с какой работы мне следует начать?

– Тебе следовало работать в Гампетрефе, тогда бы мы не уехали оттуда, – ответила Гюро. – Почему ты не могла ходить по домам и помогать, кому нужно, как тётушка Забота? Она всегда брала с собой Лилле-Бьёрна, а ты могла бы брать меня.

– Гампетреф – маленький посёлок, – сказала мама, – там достаточно одной тётушки Заботы. Не могла же я отнять у неё работу. Ты вот мне скажи, что я умею делать лучше всего?

Гюро задумалась.

– Лучше всего ты умеешь мастерить мебель, красить стены и вбивать в них крючки, – сказала она наконец.

– Это верно, такая работа мне по душе, – призналась мама, – но здесь мне придётся заниматься чем-нибудь другим. Скорей всего, я наймусь вести у кого-нибудь хозяйство, чтобы нам с тобой дали комнату.

– Ну что ж, – сказала Гюро, – ты хорошо моешь полы, особенно если рассердишься. А когда тебе грустно, ты любишь печь хлеб.

– Я вижу, ты знаешь обо мне больше, чем я сама, – засмеялась мама. – И насчёт хлеба ты не ошиблась. Когда

на душе невесело, очень полезно месить тесто, только боюсь, что здесь, в пансионате, это мне не удастся, хотя мне и разрешили отдельно готовить для нас с тобой еду, после того как все жильцы отобедают и посуда будет перемыта. Так что мы с тобой не пропадём, а сейчас собирайся, пойдём знакомиться с городом!

Они вышли на улицу. Гюро казалось странным, что люди проходят мимо друг друга, не здороваясь и не останавливаясь поболтать, как это делают в Гампетрефе. Зато городские сады и парки пришлись ей по душе. Мама ловко находила по карте один парк за другим. Вот где можно было побегать вволю! К тому же в парках не было уличного шума и не нужно было поминутно оглядываться на машины. Правда, там не было и красивых нарядных витрин. Гюро с мамой долго гуляли по городу. И когда Гюро вспомнила о пансионате, ей очень захотелось вернуться туда, ведь теперь он был ей вроде дома. Конечно, лучше было бы вернуться в Гампетреф, в их маленький домик, но Гампетреф был далеко, и вернуться туда было невозможно. А вот пансионат был близко, и там – маленький диванчик, на котором она спала ночью, и окно, в которое можно смотреть на автомобили, не боясь, что они тебя задавят. Смотреть в окно совершенно безопасно. А длинный-предлинный коридор! Конечно, в башмаках там бегать нельзя, это мешает жильцам, которые любят поспать после обеда или до него. Но если пробежаться по коридору в одних чулках... да, да, она пролетит там, словно

ветер, и никто ничего не услышит.

Уборная находилась в отдельном маленьком коридорчике. Вчера вечером и сегодня утром её туда провожала мама. Но после прогулки Гюро решила пойти туда одна. Ей было любопытно, будет ли там занято. Вдруг ей придётся подождать в коридоре? А может, наоборот, кто-нибудь подёргает за ручку, когда она будет внутри?

Однако ничего такого интересного не случилось. Гюро вышла из уборной в маленький коридорчик, там было пусто. Большой коридор тоже был пуст. На цыпочках, чтобы не шуметь, Гюро побежала к себе.

Только на другое утро, когда мама пошла звонить по объявлению насчёт работы, Гюро осмелилась пробежать по коридору так, как ей хотелось. Конечно, дома она бегала гораздо быстрее, там её ноги почти не касались земли, а волосы развевались по ветру, но и здесь она бежала довольно быстро. Добежав до конца коридора, она повернула обратно. Неожиданно она заметила, что одна из дверей чуть-чуть приоткрыта. Гюро остановилась, она уже собиралась на цыпочках проскользнуть мимо, как услышала странные, но знакомые звуки. За дверью кто-то плакал.

– Ну, Тюлинька, перестань же, возьми себя наконец в руки, – всхлипывая, бормотали за дверью.

Тюлинька? Неужели там за дверью плачет маленькая девочка, которую кто-то утешает?

Гюро не удержалась и вошла в комнату. Там сидела пожи-

лая женщина, она была совершенно одна и очень удивилась, увидев Гюро.

– Ты простудилась? – быстро спросила Гюро. Теперь она знала, что взрослые любят так говорить, когда не хотят, чтобы кто-нибудь заметил, что они плачут.

– Да, – сказала женщина, – то есть нет. Конечно, дружок, я могла бы сказать тебе, что простужена, но ведь это была бы неправда. Нет, я не простужена, просто я плачу от собственной глупости и оттого, что на свете всё так сложно.

– Разве старым тоже бывает грустно? – удивилась Гюро.

– В том-то и дело, что бывает, – ответила женщина. – Хочешь, я расскажу тебе, почему мне грустно? Во-первых, потому, что я вышла на пенсию. Вчера я последний день работала у себя на телеграфе. Мне подарили цветы, вазу и часы. Сегодня мне уже не надо идти на работу, а это очень грустно. И во-вторых, меня пугает предстоящий переезд. В этом пансионате я прожила тридцать лет, но теперь мне это уже не по средствам и я должна переехать в маленькую квартирку, в дом, где я не знаю ни души. И ещё надо упаковывать вещи, сегодня привезут ящики...

– А где же твоя Тюлинька? – спросила наконец Гюро.

– Тюлинька? – удивилась женщина. – Так ведь это я и есть.

– Не может быть, – сказала Гюро. – Тюлиньками зовут только маленьких девочек, а ты уже взрослая.

– Правильно. Меня звали Тюлинькой, когда я была маленькая, и все привыкли к этому имени, – объяснила жен-

щина. – Даже на телеграфе меня все звали Тюлинькой. Видишь, на вазе так и написано: «Нашей Тюлиньке от её товарищей по работе».

– Если тебе грустно, приходи вечером играть с нами в лото, мама уже достала пробку, – предложила ей Гюро. – А потом мы с мамой поможем тебе уложить вещи. Мы очень хорошо умеем паковать вещи, только что мы делали это дома.

– Вы меня спасёте! – воскликнула Тюлинька.

– А сейчас мне пора, мы идём искать работу, – сказала Гюро.

– Беги, мой дружок. Мы ещё с тобой увидимся, – сказала Тюлинька.

– Мне жалко, что ты собираешься уезжать отсюда, – призналась Гюро. – Ведь я никого здесь не знаю, кроме тебя.

– Может, ты приедешь ко мне в гости на новую квартиру? – спросила Тюлинька. – Боюсь, что мне там будет очень одиноко.

Мама уже в пальто ждала Гюро. Гюро рассказала ей про Тюлиньку, но умолчала о том, что бегала по коридору. Правда, маме показалось подозрительным, что Гюро пришла в одних чулках, держа туфли в руке, но, поскольку они собирались уходить, она не стала спрашивать, зачем Гюро разулась.

– Давай быстрее, – заторопилась мама. – Я обещала приехать в одиннадцать. В объявлении сказано, что требуется женщина, которая могла бы работать по дому и ухаживать за садом. Предоставляется большая светлая комната с ванной. Заманчиво, правда?

– Очень заманчиво, – согласилась Гюро.

Они посмотрели по карте и увидели, что им надо ехать сперва на трамвае, а потом на автобусе.

– Замечательно, мы увидим почти весь город, – сказала

мама.

Гюро крепко держала маму за руку, когда они переходили большую улицу, а мама внимательно смотрела сначала в одну сторону, потом в другую. Постояв немного и набравшись мужества, она быстро-быстро побежала через улицу.

Только у самого тротуара мама перешла на свой обычный шаг.

В вагоне они сидели сразу за вожатым, и Гюро смотрела, как он управляет трамваем. Он передвигал какую-то ручку то вправо, то влево, останавливал вагон, снова трогал его с места и звонил в звонок. Потом он подносил ко рту какую-то трубочку, и тогда все в трамвае слышали его спокойный, уверенный голос:

– Вагон работает без кондуктора. Проходите вперёд! Здесь вы тоже можете оплатить проезд!

Иногда вожатый тормозил, словно оберегая всех – и ехавших в трамвае, и идущих по улице, а также автомобили и мотоциклы, и всё время он разменивал пассажирам деньги и объявлял остановки.

– Я бы хотела, чтобы ты работала вагоновожатой. Тогда бы я целый день каталась с тобой на трамвае, – сказала Гюро.

– Я бы тоже хотела, – сказала мама, – но на вагоновожатого надо долго учиться, а мне хочется поскорей найти работу, чтобы у нас с тобой было своё жильё. Жить в пансионате очень дорого.

– Конечно, – согласилась Гюро. – И потом там нельзя бе-

гать, хотя вообще-то мне там нравится.

Наконец они вышли из трамвая, пересели в автобус, и автобус повёз их далеко за город. Впрочем, это был ещё город, только дома здесь стояли не так тесно, как в центре. Мама по карте нашла остановку, где им следовало выходить, и они пошли по неширокой извилистой дороге, вдоль которой росли деревья. Дома здесь стояли в садах. На деревьях сверкал иней. Гюро смотрела на эти деревья, но будто не замечала их, она чувствовала, как волнуется и даже чуть-чуть побаивается мама, которая шла так быстро только потому, что хотела, чтобы всё было уже позади.

Они остановились перед красивым домом, сразу за ним начинался большой сад, куда выходила веранда с широким крыльцом.

Мама поднялась на крыльцо и позвонила. Гюро осталась внизу, залюбовавшись домиком, выстроенным из снега. Заглянув туда через окно, она увидела стул, на котором валялась газета. Было совершенно ясно, что сидеть в таком домике ни капли не холодно.

В это время отворилась дверь большого дома, и мама заговорила с хозяйкой.

– Меня зовут Эрле Люнгмю, – сказала мама. – Это я вам звонила нынче утром.

– Прекрасно. А скажите, могли бы вы, например, приготовить праздничный ужин? – спросила хозяйка.

– Боюсь утверждать, – сказала мама, – но мне кажется,

что это не очень сложно. С обычным обедом я вполне справляюсь, а работать в саду даже люблю.

– А хорошо ли вы стираете? – спросила хозяйка. – И потом, есть ли у вас рекомендации? У меня должна быть гарантия, что на вас можно положиться.

– Видите ли, я никогда не вела такого большого хозяйства, – ответила мама, – но по мелочам помогала многим и, конечно, могу получить рекомендации там, где я жила раньше.

– Если судить по виду, то вы человек вполне надёжный, – сказала хозяйка. – И кажется, вы достаточно сильная, а это особенно важно. У нас много работы. Идёмте, я покажу вам вашу комнату.

– Спасибо, – сказала мама. – Пошли, Гюро.

– Кто это Гюро? – удивилась хозяйка.

– Моя дочка, – ответила мама.

– Почему же вы не сказали мне о ней по телефону? – спросила хозяйка. – Я считала, что вы одна. Значит, вы собирались жить у меня вместе с дочкой? Мне очень жаль, но это невозможно. У нас у самих есть сын, и я не знаю, что скажет мой муж, если в доме окажется двое детей. Один ребёнок – это один ребёнок, но двое – это всё равно что десять.

– Я вас понимаю, – сказала мама. – Простите за беспокойство.

Она взяла Гюро за руку и быстро вышла за калитку. Гюро поняла, что оглядываться не следует: у мамы был такой

вид, будто ей хотелось поскорее забыть и этот дом, и эту хоз-
зяйку.

– Ладно, – сказала наконец мама, – нет и не надо. Завтра придумаем что-нибудь другое.

– Лучше бы я с тобой не поехала, – сказала Гюро. – Тогда бы тебе не пришлось говорить ей про меня.

– А что бы мы стали делать дальше? – спросила мама.

– А дальше – ты бы меня спрятала и я была бы твоим секретом, – продолжала Гюро. – Мы бы с тобой разговаривали только после работы.

– Нет, – заявила мама. – Я не хочу, чтобы ты была секретом. Бежим-ка лучше на автобус, а то он уйдёт без нас.

В городе Гюро увидела человека, который подметал тротуар.

– Мама, – сказала она, – а может, ты тоже будешь подметать улицу? Тогда я всегда могла бы быть вместе с тобой. Ты дала бы мне маленькую метёлку, и мы бы работали вдвоём.

– Хорошо, об этом мы ещё подумаем, – сказала мама. – Ты не тревожься за нас. В пансионат уплачено за месяц вперёд, я получаю пенсию, и мы никому ничего не должны. У нас всё будет хорошо.

– А как зовут людей, которые купили наш дом? – спросила Гюро.

– Фамилию их я забыла, – сказала мама. – Помню только, как зовут близнецов. У них такие красивые имена – Вальде-

мар и Кристина.

– Это те дети, которые теперь живут в нашем доме? – спросила Гюро.

– Да, – ответила мама.

– Правда, имена красивые, – согласилась Гюро. – Значит, теперь эти Вальдемар и Кристина бегают и к нашему столяру, и в наш лес, а нам здесь даже побегать нельзя из-за автомобилей?

– Здесь тоже можно будет бегать, – утешила её мама. – По воскресеньям, когда у меня будет выходной, мы с тобой станем ездить за город. Там можно сколько угодно гулять и бегать по лесу. Только надо немного подождать, пока мы устроимся.

Вдруг Гюро увидела какую-то огромную яму, обнесённую забором.

– Идём посмотрим, – предложила ей мама.

Внизу работали люди, там было темно, сыро и оглушительно грохотало железо.

– Тяжёлая работа у этих людей. Подумай только, весь день пробыть там внизу, – заметила мама.

– Пожалуйста, найди себе другую работу, – попросила её Гюро. – Сюда мне будет страшно ходить даже с тобой.

– Не бойся, мы найдём что-нибудь другое, – утешила её мама.

Вокруг гудели машины, и Гюро невольно вспомнила, как тихо было возле того дома, где мама не получила работу.

Мысли вихрем закружились у неё в голове, правда, по ней этого не было заметно. Она спокойно шла за руку с мамой и как будто разглядывала витрины, а на самом деле думала о том, как бы сложилась их жизнь, если бы она, Гюро, стала вдруг невидимкой.

Вот мама получила работу в том доме, и они живут в большой светлой комнате. Гюро бегают по саду, потому что она невидимка и никто не подозревает о её присутствии. Иногда она заходит к маме на кухню, где мама готовит праздничный ужин. Хозяйка, конечно, не догадывается, что она здесь, а мама знает и только посмеивается, беседуя с хозяйкой. Потом Гюро снова убегает гулять, она играет с мальчиком, который построил снежный дом, но он не видит её и не знает, что она с ним играет. Если мальчик окажется добрым, она ему скажет: «Дай честное слово, что никому про меня не скажешь, тогда я тебе покажусь. И мы сможем играть вместе. А когда придёт твоя мама, я опять стану невидимкой, и она подумает, что ты разговариваешь сам с собой, как Тюлинька».

Вспомнив про Тюлиньку, Гюро заторопила маму.

– Идём скорей домой, – сказала она, – ведь я пригласила Тюлиньку играть с нами в лото.

– Идём, – ответила мама. – Мы с тобой пообедаем, а попозже, когда кухня освободится, я сварю кофе, и мы пригласим к нам твою Тюлиньку.

Вечером они постучали к Тюлиньке. Она, как и утром, си-

дела в слезах. В комнате стояло несколько ящиков для упаковки, и Тюлинька растерянно смотрела на них, не зная, с чего начать.

– Я слышала, что Гюро пригласила вас к нам играть в лото, – сказала ей мама. – Я присоединяюсь к этому приглашению, ведь мы здесь совсем никого не знаем.

– Я бы с удовольствием поиграла в лото, но мне надо укладываться, – ответила Тюлинька. – Впрочем, у меня есть ещё несколько дней.

– Вот и прекрасно, сегодня поиграем в лото, а завтра мы поможем вам уложить вещи, – сказала мама. – Мне будет очень приятно немного поработать.

– Я с радостью приму вашу помощь, лишь бы поскорей избавиться от этих ящиков, – сказала Тюлинька. – Гюро, у меня есть для тебя небольшой подарок. Видишь этих маленьких кукол – мальчика и девочку? Я их дарю тебе в знак благодарности за то, что ты так сердечно утешала меня сегодня утром. К сожалению, я не могу подарить тебе и большую куклу, потому что с ней играла ещё моя мама, когда была маленькая.

– Эта кукла похожа на старинную даму, – сказала Гюро.

И она не ошиблась. У куклы были завитые локоны, шляпа с цветами, кружевное платье, белые чулки и чёрные туфельки. Она была так прекрасна, что Гюро не посмела бы даже прикоснуться к ней. Зато с маленькими куклами можно было играть как угодно. На мальчике были короткие штанишки, гольфы и свитер, у девочки – вязаное платье и светлые

ВОЛОСЫ.

– Я не давала им никаких имён, – сказала Тюлинька. – Назови их сама, как хочешь.

– Вальдемар и Кристина, – тут же решила Гюро и подумала про себя: «Тогда я смогу играть, как будто я снова дома, там, где живут настоящие Вальдемар и Кристина».

– Мы ждём вас играть в лото, – сказала мама Тюлиньке.

Мама и Тюлинька пили кофе с печеньем, а Гюро – молоко. Вальдемар и Кристина сидели на кровати и смотрели на них.

– Сегодня мы не будем думать о моих вещах, – сказала Тюлинька, – мы будем только играть в лото.

Так они и сделали. Тюлинька проиграла, и Гюро мазнула ей по носу жжёной пробкой. Тюлинька была в восторге.

– Теперь я ничего не боюсь, потому что у меня есть такие друзья! – сказала она.

В эту ночь на маленьком диванчике, который притворялся, будто он настоящая кровать, спали трое – Гюро, Вальдемар и Кристина.

Недоразумение

Утром мама надела брюки, в которых обычно красила, столярничала или занималась какой-нибудь другой грязной работой. Гюро тоже надела брюки и свитер, те, что постарее, и они обе постучались к Тюлиньке. Та сидела на диване и, как накануне, растерянно смотрела на ящики.

– Вот хорошо, что вы пришли, – сказала она. – Никак не могу решить, с чего начать. Что надо сперва укладывать, посуду или книги?

– Конечно, надо начинать с посуды, – сказала мама. – Чашки, блюдца, тарелки и вообще всё, что бьётся, мы завернём в рубашки и полотенца. Таким образом мы упакуем сразу и бельё и посуду.

– Великолепно! – воскликнула Тюлинька. – Я бы сама никогда до этого не додумалась! Сказать по правде, у меня не так уж и много вещей. Мебель почти вся принадлежит пансионату, кое-что, правда, здесь есть из моего родительского дома. Но главное – это вазы, я очень боюсь за них.

– Те вещи, которые вам особенно дороги, мы положим в чемодан и возьмём с собою в такси, – сказала мама.

– Без вас я бы пропала, – вздохнула Тюлинька. – Очень плохо, когда человек один. Гюро, я думаю, нам с твоей мамой надо говорить друг другу «ты», как ты считаешь?

Гюро и мама засмеялись.

– С удовольствием, – сказала мама. – Меня зовут Эрле.

– Прекрасно, – обрадовалась Тюлинька. – Мы трое всегда будем помогать друг другу.

От радости она даже запела высоким дребезжащим голосом «Три девушки шли по дороге». И они принялись за дело. Главную работу выполняла мама, Гюро и Тюлинька только подавали ей вещи, и вскоре они упаковали всё, что могло разбиться.

– Теперь возьмёмся за книги, – сказала мама. – Начинайте без меня, я должна пойти позвонить насчёт работы.

– Хорошо, – сказала Тюлинька. – Кстати, мне тоже нужно позвонить по телефону.

– Пожалуйста, тогда звони ты первая, я могу обождать, – предложила мама.

– Нет, это совсем другой телефон, – засмеялась Тюлинька. – Мы здесь так говорим, когда надо выйти в уборную, – объяснила она.

Мама тоже засмеялась, и они с Тюлинькой вышли из комнаты, а Гюро осталась с Вальдемаром и Кристиной. Сперва она стояла неподвижно, держа их в руках, а потом что-то придумала.

– Я должна стать невидимкой, – сказала она им, – только тогда мама получит работу.

Но Вальдемар и Кристина явно не понимали её, и ей пришлось всё объяснить им.

– Я спрячусь в один из ящиков, как будто меня здесь

нет, — сказала она. — А вы пока посидите на диване. Смотрите не проговоритесь, где я.

Она влезла в большой ящик, прикрылась сверху серой обёрточной бумагой, и её как будто не стало. Вернувшись в комнату, Тюлинька очень удивилась.

— Гюро, где же ты? — воскликнула она. — Вальдемар и Кристина здесь, а ты... Ну, ничего, наверное, Гюро скоро вернётся, — сказала она куклам.

В это время в дверь постучали.

— Зачем ты стучишься, Эрле? — удивилась Тюлинька. — Ведь ты только что вышла отсюда.

Но оказалось, что это не Эрле, это пришла подруга Тюлиньки по имени Лиллен.

— Я так и знала, что ты уже начала упаковывать вещи, — сказала она. — Хотя я сама паковать не умею и доктор запретил мне поднимать тяжести, я решила составить тебе компанию, чтобы тебе не было так грустно. Что я вижу! Ты упаковала уже два ящика? И даже додумалась завернуть посуду в бельё!

— Это не я додумалась, — призналась Тюлинька. — Мне, можно сказать, небеса послали на помощь двух человек — маму Эрле и дочку Гюро.

— Ты давно с ними знакома? — поинтересовалась Лиллен.

— Со вчерашнего дня, — ответила Тюлинька. — Они недавно поселились в нашем пансионате. Сперва я познакомилась с дочкой, а потом уже и с мамой.

– Другими словами, тебе помогают совершенно чужие люди? – испугалась Лиллен. – Но ведь они могут тебя обокрасть! Откуда ты знаешь, что они не унесут потихоньку что-нибудь ценное. Если бы ты посоветовалась со мной, я бы предостерегла тебя.

– Лиллен, ты опять начиталась в газетах всяких страшных историй! – засмеялась Тюлинька. – После них тебе всюду мерещатся воры. Подожди, сейчас ты сама их увидишь и поймёшь, что ошиблась. Не понимаю только, куда запропастилась Гюро? Надо посмотреть у неё в комнате. Эрле ушла звонить по телефону, и за девочку отвечаю я.

Гюро уже собиралась выпрыгнуть из ящика с криком: «А я здесь!» – словно чёртик из табакерки, как в сказке, которую ей читала мама, но в эту минуту Лиллен воскликнула:

– Что, что? Ушла звонить? Можешь не сомневаться, она разговаривает сейчас со своими сообщниками и наверняка обещает прихватить с собой всё, что сможет!

– Перестань, Лиллен, – оборвала её Тюлинька. – Пожалуй-ста, замолчи, мне просто смешно.

Тюлинька вышла из комнаты, а Гюро лихорадочно сообщала, что же ей теперь делать. Она сидит в ящике, Вальдемар и Кристина – на диване, а рядом с ними – эта противная тётка, которая так плохо говорила об её маме. Конечно, Вальдемар и Кристина испугались и надеются, что она скоро перестанет быть невидимкой.

Гюро вылезла из ящика.

– Ну вот, теперь меня снова видно. Идёмте домой, – сказала она куклам.

От удивления Лиллен застыла с разинутым ртом, но, увидев, что Гюро уносит кукол, она очнулась.

– Стой, озорница! – воскликнула она. – Это не твои куклы! Сейчас же положи их на место!

Взглянув на неё, Гюро вновь посадила Вальдемара и Кристину на диван.

– Прощайте, нам больше нельзя быть вместе! – сказала она им и бросилась вон из комнаты.

В дверях она столкнулась с Тюлинькой.

– Гюро, я же тебя всюду ищу! – воскликнула Тюлинька. – Я так испугалась, что тебя нет!

– А меня и нет, я уйду, – прошептала Гюро.

– Что случилось, ты устала? Почему ты не берёшь своих друзей? – спросила Тюлинька.

Но Гюро, не ответив, выбежала из комнаты.

– Подумай, я поймала её на месте преступления! – сказала Лиллен. – Она хотела унести твоих кукол. Мне очень интересно, что ещё у тебя пропало?

В это время в дверь постучали, и вошла мама.

– Ну вот, наконец я дозвонилась, – сказала она. – Я прочла в объявлении, что одинокому человеку требуется работница на три дня в неделю. Он не против, чтобы со мной жила Гюро. Говорит, что предоставит мне большую хорошую комнату. Я обещала вечером приехать к нему.

– Это вы ему сейчас звонили? – спросила Лиллен. – Тюлинька, а что я тебе говорила?

Но Тюлинька не ответила ей.

– Эрле, – сказала она, – начни, пожалуйста, упаковывать книги, а мне надо на минутку выйти вместе с Лиллен.

– А где же Гюро? – поинтересовалась мама.

– Она у себя. Сейчас мы вернёмся вместе с нею, – ответила Тюлинька.

Она за руку вытащила Лиллен в коридор.

– Лиллен, если ты сию минуту не извинишься перед Гюро, я больше не буду с тобой разговаривать, – сказала она ей очень твёрдо. – Во всяком случае сегодня. И боюсь, что мне очень не скоро захочется тебя снова увидеть.

– Ты хочешь, чтобы я извинилась перед ребёнком? – удивилась Лиллен.

– Вот именно, – строго сказала Тюлинька. – Взрослые всегда просят прощения, когда обидают друг друга. Почему же они не должны просить прощения у ребёнка, если незаслуженно его обидели? Не знаю, сдержишь ли ты слово, если пообещаешь больше никогда не говорить таких глупостей, боюсь, твой язык опять подведёт тебя, но попросить прощения ты можешь. Я сама подарила Гюро кукол, и это единственные друзья, какие у неё есть в этом огромном городе. Так что тебе следует поторопиться!

Она постучала в дверь и, не дожидаясь ответа, втокнула Лиллен в комнату.

– Где же ты, Гюро? – спросила Лиллен, оглядываясь. – Мне у вас очень нравится – какая красивая салфеточка!.. Сколько тебе лет, деточка?.. Нет, кажется, я говорю не то. Тюлинька, что я должна сказать?

– Тебе это лучше знать, – строго ответила Тюлинька и отвернулась к окну.

– Да, конечно. Прости, пожалуйста, что я подумала, будто ты украла этих кукол. Я больше так не думаю. Видишь ли, Тюлинька – моя лучшая подруга, и я хотела помочь ей. Ты очень на меня обиделась?

– Да, – ответила Гюро. – Зачем ты плохо говорила о маме?

– Как, ты и это слышала? – в ужасе воскликнула Тюлинька. – Что же нам теперь делать? Хочешь, Лиллен извинится и перед мамой?

– Нет, – решила Гюро, подумав, – ведь мама ничего не слыхала, а если мы ей расскажем, ей станет очень обидно.

– Я вижу, ты настоящий товарищ! – сказала Тюлинька и пригласила Гюро и Лиллен в свою комнату.

– Мне не хочется, – призналась Гюро, взглянув на Лиллен.

– Но тогда мама обо всём догадается, а ведь мы договорились не огорчать её, – сказала Тюлинька. – К тому же Лиллен извинилась перед тобой. Ты не думай, она вообще-то очень добрая, но иногда может сболтнуть лишнего. И потом она любит фантазировать. Ей за каждым углом мерещатся разбойники.

– Ну, хорошо, идёмте, только сначала я забегу сюда, – сказала Гюро и побежала в маленький коридорчик.

– Мы тебя подождём, – сказала Тюлинька.

Мама укладывала в ящик книги, она стояла низко наклонившись, но, услышав шаги, подняла голову.

– Где ты была, Гюро? – спросила она.

– Звонила по телефону, – ответила Гюро.

– Это чистая правда, – подтвердила Тюлинька. – А теперь мы все будем помогать Эрле. Мы с Гюро будем снимать книги с полок, а Лиллен сядет на стул и будет принимать их у нас и отдавать Эрле. Я думаю, Лиллен, это не очень тяжело для тебя?

– Конечно, – сказала Лиллен. – Я тоже хочу работать.

Уложив книги, они все вместе пообедали в пансионатской столовой, а потом снова до самого вечера помогали Тюлиньке.

Вечером мама сказала:

– К сожалению, мне пора идти смотреть ту комнату, о которой я вам говорила. Гюро, тебе придётся лечь спать без меня. Мне не хочется брать тебя с собой так поздно.

– Я могу посидеть с Гюро, если нужно, – предложила Тюлинька.

– Это будет замечательно! – обрадовалась мама.

– Тебе далеко ехать? – спросила Тюлинька.

– По-моему, близко, – ответила мама и показала по карте, куда она поедет.

– Это же совсем рядом с Лиллен! – воскликнула Тюлинька. – Эрле, пожалуйста, проводи её. Лиллен очень боится ходить одна, особенно по вечерам.

Мама уложила Гюро в постель, и вскоре к ним пришли Тюлинька и Лиллен. Лиллен непременно хотела попрощаться с Гюро.

– Ты на меня больше не сердишься? – шепнула она, наклонившись к её диванчику.

Гюро серьёзно покачала головой.

– Вы можете идти, – сказала Тюлинька. – Держитесь покрепче друг за друга.

– Мама, а разве туда нельзя пойти утром? – спросила Гюро.

– Нет, – ответила мама, – хозяин просил, чтобы я пришла вечером, и непременно сегодня. Это очень выгодное место, оно привлекает многих, и я могу потерять его, если отложу всё до утра.

И она ушла, оставив Гюро и Тюлиньке два апельсина.

Тюлинька спросила у Гюро:

– Что тебе рассказать, сказку или про то, как я была ма-

ленькая?

– Как ты была маленькая, – решила Гюро. – А когда ты была маленькая, ты была такая же большая, как я?

– Сперва я была гораздо меньше, чем ты, – начала рассказывать Тюлинька. – Все люди сперва бывают очень маленькие, а потом вырастают. Так вот, когда я была уже не совсем маленькая, но всё-таки меньше, чем ты, у меня умерла мама. Мы с папой жили в доме, где у папы на первом этаже была лавка. Папа много времени проводил в этой лавке и решил нанять какую-нибудь женщину, чтобы она присматривала за мной. Если бы ты только знала, сколько женщин побывало в нашем доме, и все они должны были заменить мне маму. Одни были добрые, другие – злые, но о них я расскажу тебе в другой раз. Так вот, в один прекрасный день папа привёл домой ещё одну женщину и сказал: «Знакомься, Тюлинька, эта тётя теперь всегда будет жить с нами». Они поженились, и у меня появилась новая мама.

– Она была злая мачеха, как в сказках? – спросила Гюро.

– Нет, – ответила Тюлинька. – Она была очень добрая мачеха, и мы с ней подружились. Я так любила её, что, даже когда выросла, осталась жить дома вместе с нею. Я поступила работать телефонисткой и проработала там несколько лет. А потом переехала в Осло и стала работать на телеграфе. Тридцать лет без перерыва я работала на телеграфе, и вот теперь этому пришёл конец.

– Не плачь, – сказала Гюро. – Давай лучше играть в теле-

фонисток. Возьмём себе по телефону и будем разговаривать.

Она спрыгнула с постели, подбежала к шкафу и достала оттуда две вешалки.

– Вот твой телефон, – сказала она Тюлиньке, отдавая ей одну вешалку, – а это – мой. Ты садись у двери, а я – здесь. Готова? Я начинаю. Алло, алло, телефонистка? Как вы себя чувствуете?

– Благодарю вас, прекрасно, – ответила Тюлинька. – С кем бы вы хотели поговорить?

– С Вальдемаром и Кристиной, если можно, – попросила Гуро.

– Пожалуйста, Вальдемар вас слушает, – ответила Тюлинька и шепнула: – А теперь я буду за Вальдемара.

– Здравствуй, Вальдемар! – закричала Гуро. – Ты там, наверно, всё время бегаешь быстро-быстро? А ты знаешь, что раньше я тоже жила в этом доме? А до меня там жил один мальчик. Это он построил гараж для велосипеда. Ему помогал наш столяр. У этого мальчика была сухая веточка, похожая на человечка, он с ней дружил и никогда не расставался. Это мне рассказывала тётя, которую все зовут тётушка Забота. Передай от меня привет нашему дому.

– Непременно передам, – сказал Вальдемар.

– А теперь я хочу снова разговаривать с Тюлинькой, – сказала Гуро. – Тюлинька, ты меня слышишь?

– Да, да, – отозвалась Тюлинька.

В это время в дверях появилась мама.

– Как ты быстро вернулась! – удивилась Тюлинька.

Мама даже не заметила, что Гюро и Тюлинька сидят с вешалками в руках. Лицо у неё пылало.

– Что случилось, тебе отказали в комнате? – воскликнула Тюлинька.

– Я сама от неё отказалась, – ответила мама.

– Хозяин оказался злым и не захотел, чтобы я жила вместе с тобой? – спросила Гюро.

– Злым? Да нет, напротив, он был так добр, что я сразу заподозрила неладное, – ответила мама.

– Как это неладное? – удивилась Гюро.

– Он предложил мне стать его возлюбленной, – сердито сказала мама. – Впредь я буду осторожнее, когда придётся звонить по объявлению. А теперь давайте забудем об этом и, если Гюро хочет, мы можем сыграть в лото.

– Конечно, хочу, – обрадовалась Гюро, – а потом я разок пробегу по коридору. Ты не бойся: я – в тапочках и меня никто не услышит.

Пробежаться ей захотелось от радости, что мама так быстро вернулась, но только она спустила ноги на пол, как в комнате вдруг стало темно. А вот почему у них стало темно, вы узнаете из следующей главы.

Мама на стремянке

Лампочка в комнате у мамы и Гюро погасла неожиданно, словно крикнула: «Прощай!» И сразу же в коридоре слышались голоса.

– У нас нет даже свечки, вот досада, – сказала мама.

– А у меня есть карманный фонарик! – воскликнула Гюро. – Мне его подарил папа. Он лежит у меня в рюкзаке.

– А где лежит рюкзак?

– У меня под диванчиком! – Гюро свесилась с диванчика, вытащила рюкзак, и через секунду у неё в руках уже горел фонарик.

– Без тебя я бы пропала! – засмеялась мама.

Гюро обрадовалась, ей даже показалось, что папа тут, с ними, оттого что в комнате горит подаренный им фонарик.

Мама вышла в коридор, Гюро в ночной рубашке зашлёпала следом, держа Тюлиньку за руку. Там они увидели хозяйку пансионата и старого Андерсена, который жил в пятом номере.

– Это, наверно, короткое замыкание, – сказала хозяйка. – Лампочка так и вспыхнула перед тем, как погаснуть. Что же нам теперь делать? У дворника грипп, жильцов ещё нет дома, а я сама боюсь лезть на стремянку и менять лампочку.

– Моя мама ничего не боится, – сказала Гюро. – Она умеет делать всё, кроме праздничного ужина.

– Дело нехитрое, – сказала мама. – Сперва надо вывинтить старую лампочку и проверить патрон, может, замыкание случилось в нём. Тогда патрон придётся починить, прежде чем ввинчивать новую лампочку.

– Как удачно, что вы оказались дома, – обрадовалась хозяйка. – Если вы дадите мне ваш фонарик, я принесу стремянку.

Хозяйка ушла, и они остались в крошечной тьме, как будто их здесь и не было, а только их голоса в темноте старались пробиться друг к другу.

– Мама, ты где? – спросила Гюро.

– Здесь, – ответила мама.

– Тюлинька, а ты?

– И я здесь, – ответила Тюлинька. – Ушла только хозяйка с фонариком.

– Я раскладывал пасьянс, когда погас свет, – сказал старый Андерсен.

В конце коридора показались два огонька: один – карманный фонарик Гюро, второй – свеча, которую держала хозяйка.

– Эта стремянка такая тяжёлая, – пожаловалась издали хозяйка, и мама, попросив, чтобы она ей посветила, поспешила к ней на помощь. Хозяйка водворила свечку на столик, стоявший в коридоре, и луч карманного фонарика заплясал вдаль, указывая маме, как найти стремянку. Мама вернулась, таща большую и тяжёлую лестницу, а луч фонарика уже

забрался на потолок, и все увидели чёрную перегоревшую лампочку.

Мама расставила стремянку и полезла вывинчивать лампочку.

– Посветите мне, пожалуйста, – попросила она хозяйку, и та с готовностью направила луч прямо маме в лицо. Мама зажмурилась. – Нет, нет! – воскликнула она. – Светите не на меня, а на лампочку!

Гюро, боясь, что мама упадёт, крепко держала стремянку, Тюлинька тоже. Мама вывинтила лампочку.

– Дайте-ка мне фонарик, – попросила она. – Так я и думала. В патроне сгорела изоляция, из-за этого и произошло замыкание. У вас найдутся кусачки?

– А что это такое? – спросила хозяйка.

– Это щипцы, которыми можно перекусить проволоку, – объяснила мама.

– У меня, у меня есть кусачки! – радостно воскликнула Тюлинька. – У меня есть целый ящик с разными инструментами, он принадлежал моему папе.

Теперь карманный фонарик передали Тюлиньке, и она вместе с Гюро, которая не решилась отпустить её одну, поспешила к себе в комнату. Там в шкафу стоял большой ящик с инструментами.

Они взяли его и отнесли маме.

– Прекрасно, сейчас я всё сделаю, – сказала мама.

Она зачистила обгоревшие проводки, закрепила их и на-

конец ввинтила новую лампочку.

– Осталось только включить пробки, – сказала она.

– Первый раз вижу, чтобы женщина умела чинить электричество! – воскликнула хозяйка.

– Когда необходимо, я, конечно, могу кое-что починить, – сказала мама, – но всё-таки советую вам завтра пригласить настоящего монтажера. Пусть проверит, правильно ли я всё сделала.

– Не сомневаюсь, что всё сделано правильно, – сказала хозяйка. – А что касается пробок, я и сама могу их включить, это я умею.

И в пансионате снова вспыхнул свет, лампочки сверкали так, будто вовсе не гасли.

– Я вам очень благодарна, – сказала хозяйка маме. – И если вы не возражаете, я сейчас принесу к вам в комнату кое-что вкусненькое, и мы все вместе поужинаем. Я это припасла для Тюлиньки, хотела на прощание поужинать вместе с ней.

– И старый Андерсен пусть тоже пойдёт с нами, – сказала Гюро.

Но старый Андерсен поблагодарил за приглашение и, сказав, что он занят, обещал прийти к ним в другой раз.

И вот Гюро снова сидит на своей кровати, вернее, не на кровати, а на маленьком диванчике, который служит ей кроватью, рядом с ней сидит Тюлинька, мама забралась на свою постель, а хозяйка занимает единственный стул. Они едят принесённые хозяйкой бутерброды и беседуют.

– Как жаль, что Тюлинька от нас уезжает, – вздохнула хозяйка. – Правда, она обещала навещать нас, когда ей случится бывать в центре.

– Даже представить себе не могу, что в моей комнате будет жить чужой человек, – сказала Тюлинька.

– Да, и он приедет ровно через две недели, – сказала хозяйка. – Надо успеть отремонтировать комнату, а наш дворник заболел, и я не знаю, как найти мастера за такой короткий срок.

– Хотите, я отремонтирую эту комнату? – предложила мама хозяйке.

– Неужели женщина может справиться и с такой работой? – удивилась та.

– Конечно, – вмешалась в разговор Гюро. – Моя мама может справиться с любой работой. Она сама красила наш дом и помогала столяру делать мебель. Она даже трактор водить умеет!

– Трактора у меня, к сожалению, нет, – засмеялась хозяйка и обратилась к маме: – Вы в самом деле считаете, что справитесь с таким ремонтом? Там надо побелить потолок и по-

красить стены.

– Да, с этим я справлюсь, это несложно, – сказала мама. – Я даже рада, что у меня будет какое-то дело, пока я ищу себе работу. Вот только Гюро придётся поскучать, мы с ней не сможем гулять по городу.

– Ну и что, зато здесь мне не нужно быть невидимкой! – сказала Гюро.

Тюлинька и хозяйка не поняли, что она имеет в виду, но мама прекрасно поняла её и сказала:

– Не бойся, тебе нигде не придётся быть невидимкой. Но я смогу начать только послезавтра, – предупредила мама хозяйку, – завтра мы будем перевозить Тюлиньку, мы ей уже обещали.

В это время Тюлиньку вызвали в коридор – жильцы пансионата просили её прийти через полчаса в пятый номер к старому Андерсену, где они устраивали прощальный вечер в её честь.

– Тогда я должна надеть нарядное платье, – сказала Тюлинька. – Покойной ночи, Гюро. Спасибо тебе за помощь. Завтра утром мы встретимся, и ты будешь командовать моим переездом.

Гюро лежала недолго, прислушиваясь к голосам в коридоре, а потом уснула, и ей приснился папа – он был здоров, и она вместе с ним бегала по зелёному лугу.

Наутро маме пришлось пощекотать Гюро, чтобы разбудить её.

– Вставай скорей, – сказала мама. – Сегодня нас ждёт интереснейший день. Мы поедем с Тюлинькой в её новую квартиру. Ты увидишь место, которого никогда прежде не видела.

– Разве Тюлинька будет жить не в городе? – спросила Гюро.

– В городе, только на самой окраине, – ответила мама.

– Там, где тебя не взяли на работу, потому что у тебя есть я?

– Нет, это совсем в другом месте, – ответила мама, – кажется, оно называется Тутлетоппен, а может быть, Титлетоппен или Тотиллтоппен, не помню. Надо спросить у Тюлиньки. Собирайся скорей, Гюро, Тюлинька хотела выехать пораньше.

– Мы поедем на трамвае? – спросила Гюро. – Я здесь уже немного знакома с одним вагоновожатым.

– А ещё ты знакома с Тюлинькой, – сказала мама.

– И с Лиллен, и с хозяйкой, которая думала, что ты не умеешь чинить свет, и с тётенкой, которая не хотела, чтобы я у них жила, и с мальчиком в поезде, и с Вальдемаром и Кристиной, и со старым Андерсеном из пятого номера, а больше пока ни с кем, – сказала Гюро.

– Не горюй, скоро ты ещё со многими познакомишься, – утешила её мама.

Грузовик уже стоял возле дома. На него погрузили ящики с книгами и посудой, коробку с фотографиями, несколько

чемоданов и красивый ящик с инструментами. Стол, стулья, диван и другая мебель принадлежали пансионату и остались на прежнем месте, но, несмотря на это, комната Тюлиньки показалась Гюро чужой. Тюлинька стояла посреди комнаты и как будто прощалась с каждой вещью.

– Ну вот и всё, – сказала она. – Вчера у старого Андерсена в мою честь был устроен небольшой ужин. Кое-кто там слишком выпил и развеселился, поэтому я рано ушла, но я знаю, что они не хотели меня обидеть. Я долго лежала и прислушивалась к их голосам и думала, что они собрались только ради меня. Это так странно. Они преподнесли мне чудесный подарок, вам никогда не угадать, что они мне подарили! Это фотоаппарат! Я в жизни не сделала ни одной фотографии, но отныне буду фотографировать всё подряд. И первой, кого я сниму, будет Гюро!

Тюлинька поставила Гюро возле грузовика и с гордым видом щёлкнула аппаратом.

– Мы поедem на трамвае? – спросила Гюро.

– Нет, дружок, сегодня мы поедem на такси, – ответила Тюлинька. – Мы повезём с собой вазы, которые я очень боюсь разбить, и горшки с цветами. Такси сейчас придёт.

«Горшки с цветами, цветы с горшками, цветочный горшок, горшечный цветок», – стала повторять про себя Гюро непривычные для неё слова, а мама сказала спокойным и ровным голосом:

– Да, да, конечно.

Гюро с удивлением взглянула на маму. С виду мама была такая же, как всегда, но Гюро знала: если мама говорит таким голосом, значит, она думает о чём-то своём. С Гюро и с самой так бывало. Иногда Гюро удавалось угадать, о чём думает мама, но сегодня, сколько она ни ломала голову, она ничего не могла придумать.

А мысли мамы и в самом деле были заняты очень необычными вещами. Она думала об этом весь вечер и всю ночь. Когда она стояла на стремянке и чинила свет, ей пришлось в голову, что вовсе не обязательно идти работать служанкой к чужим людям. Жильё можно получить и другим способом. Если она справится с тем, что задумала, то у них с Гюро будет своя маленькая квартира. Что же тут удивительного, если Гюро не могла разгадать её мыслей!

– Тирилтопен, Брусничная аллея, 14, корпус «Ю», – сказала Тюлинька шофёру.

– А я думала, Тутлетопен! – засмеялась мама.

Тутлетопен! Тотлетопен! Бумлетопен! Тумлетопен! Тирилтопен! Тирилтопен! Гюро захотелось, чтобы с ними в такси ехал мальчик из поезда! Как весело было бы прыгать вместе с ним на заднем сиденье и приговаривать эти смешные слова!

– А почему с тобой нет Вальдемара и Кристины? – спросила Тюлинька у Гюро.

– Я их оставила дома, чтобы они не мешали мне командовать твоим переездом, – ответила Гюро. – Но я обещала им,

что вечером непременно вернусь домой.

Тюлинька сказала, что хочет посмотреть пароходы, и попросила шофёра ехать по набережной. Они поехали вдоль причалов. Там, протянув к небу длинные руки, стояли подъёмные краны, на паратодах развевались флаги разных стран. Рядом с паратодами стояло какое-то странное огромное сооружение с башней.

– Что это? – спросила Гуро.

– Нефтяной танкер, – ответила Тюлинька.

«Нефть, топка, нефтяное отопление», – тут же подумала мама, а вслух сказала:

– Эту топку мне необходимо освоить.

– Какую топку – на танкере? – удивилась Тюлинька.

– Нет, я думала об отоплении в домах, – ответила мама.

– Я вижу, Эрле, тебя интересует всё на свете, – засмеялась Тюлинька.

Но маму интересовало далеко не всё. «Если я справлюсь с тем, что пришло мне в голову, когда я стояла на стремянке, – думала мама, – то остальная работа меня уже не пугает. Я люблю и стены красить, и мебель чинить, и землю копать. Может, нам вовсе и не придется жить у чужих людей, которым не нравится, что у меня есть дочка».

Так думала мама, а вот Тюлинька думала о том, что без Гуро и Эрле она чувствовала бы себя самым одиноким человеком на свете.

Тем временем причалы кончились и дорога пошла в гору,

хотя кругом были ещё городские улицы и стояли городские дома.

Вскоре вдали показался лес, а перед ним – другой, лес из высоких жилых корпусов. Одни были чуть-чуть выше, другие – пониже, и было их очень много.

– Приехали, – сказала Тюлинька. – Вот здесь я и буду жить. Только я никак не могу запомнить свой корпус. Кажется, этот.

Перед одним из корпусов стоял уже знакомый им грузовик, и Гуро закричала:

– Тюлинька, вот наш грузовик, значит, это твой дом!

– Совершенно верно, – сказала Тюлинька дрогнувшим голосом.

Гуро тут же взяла её за руку, а мама сказала:

– Если ты расплатилась, пошли скорей. Гуро, возьми этот цветок.

Сама мама взяла чемодан с хрупкими вазами и сумку с цветочными горшками. Последний горшок достался Тюлиньке.

– Мы поднимемся на лифте, – сказала она. – Я живу на одиннадцатом этаже.

У парадного стояли три девочки со школьными ранцами, одна из них спросила:

– Бритта, можно, мы пойдём к тебе?

– Нет, – ответила Бритта. – Сегодня моя мама работает в магазине, а она не разрешает, чтобы вы приходили без неё.

Она говорит, что мы устраиваем беспорядок. Вы подождите меня, я скоро выйду.

– Девочки, можно я вас сфотографирую? – спросила Тюлинька. – Вы первые, кого я встретила здесь в день моего переезда.

Девочки захихикали и стали в ряд, Тюлинька щёлкнула аппаратом.

– Ты тоже будешь здесь жить? – спросила Бритта у Гюро.

– Нет, – Гюро помотала головой, – я только команду переездом.

Это прозвучало так значительно, что все девочки с уважением посмотрели на неё.

– Как хорошо, что мне подарили аппарат, – сказала Тюлинька. – Теперь я буду всё фотографировать и вести записки, и у меня совсем не останется свободного времени – как будто я не на пенсии.

Они вошли в лифт. Гюро первый раз в жизни поднималась на лифте, это было новое ощущение, словно она бежала с закрытыми глазами, но бежала не вперёд, а вверх, всё выше и выше, пока лифт не остановился на одиннадцатом этаже, где находилась квартира, в которой отныне будет жить Тюлинька.

Эта квартира состояла из одной комнаты, кухни, ванной и крохотного чуланчика.

– В подвале у меня есть ещё кладовка для продуктов, – сказала Тюлинька, – но я даже не знаю, что там держать. За-

пасов я не делаю, варенья не варю, да и стряпать-то почти не умею, ведь я всю жизнь жила в пансионате на готовом. После рабочего дня было очень приятно получать готовый обед.

– А теперь ты научишься готовить себе сама, – сказала мама. – Я подарю тебе поваренную книгу, и увидишь, как у тебя всё прекрасно получится. Плита на кухне есть?

– Конечно, – ответила Тюлинька. – И плита, и холодильник, и одна кастрюлька, остальное я куплю потом. Идёмте, я покажу вам свою обстановку, у меня есть и новая мебель и старая.

Гюро больше всего понравилась красная тахта.

– Она не простая, она с секретом, – сказала ей Тюлинька. – Если её разложить, на ней смогут спать сразу два человека. Так что я могу принимать гостей даже с ночёвкой – сама я буду спать на кровати.

Кровать стояла, спрятавшись в стену: там была сделана специальная ниша.

– Здесь я повешу штору, и тогда ни один человек не догадается, что у меня там кровать, – сказала Тюлинька.

– А почему ты не хочешь, чтобы её все видели? – удивилась Гюро.

– Иногда нужно, чтобы здесь была гостиная, а не спальня, – объяснила Тюлинька. – Смотри, это секретер из папиного дома, за ним я буду писать. А это папин книжный шкаф. Он немного старомодный, теперь все предпочитают полки

без стёкол, зато за стёклами книги не так пылятся. Вот только не знаю, хватит ли мне одного этого шкафа, у меня книг много.

– Со временем я тебе сделаю полку для книг, – пообещала мама. – А сейчас давайте приниматься за уборку.

– А когда уберём, пойдём в кафе обедать, – предложила Тюлинька.

– Зачем же в кафе, можно поесть и здесь, – сказала мама. – Это твой дом, и обедать надо дома. Так будет и вкуснее и дешевле. Я сбегая в магазин за мясом и овощами, и мы сварим суп в твоей единственной кастрюльке.

Они распаковали посуду и временно поставили её в кухне на столе. Потом мама расставила в шкафу книги, а те, что не влезли, сложила в чуланчике.

– Давай повесим твои картины и фотографии, – предложила она Тюлиньке. – Здесь сразу станет уютнее.

Но стены в доме оказались бетонными, и крючки для картин погнулись, не желая входить в твёрдую поверхность.

– Придётся обратиться к дворнику, – сказала Тюлинька. – Меня предупреждали, что, если понадобится, он мне поможет.

Мама спустилась вниз и нашла дворника. Он жил на первом этаже. Дворник принёс с собой инструмент, который назывался дрелью.

– Электрическая дрель – единственное, что берёт эти стены, – сказал он. – Можно, конечно, долбить и шлямбуром,

но это долго, да и грохоту на весь дом.

Гюро показалось, что от дрели тоже достаточно грохоту, но он быстро утих.

– Это тяжело? – спросила мама.

– Да нет, по-моему, – ответил дворник. – Но если будешь сверлить долго, руки устанут.

– Можно мне попробовать? – спросила мама.

Гюро с удивлением взглянула на неё: мама, как ребёнок, даже дрожала от нетерпения.

– Пожалуйста, – ответил дворник. – Где вы хотите повесить эту картину?

– Эту над тахтой, – сказала Тюлинька. – Я постелила газету, можете становиться прямо на тахту.

Мама вскочила на тахту и взяла дрель.

– Эрле, мне даже смотреть на тебя страшно, и потом этот шум. Мы с Гюро пойдём на кухню.

Гюро не хотелось уходить, ей было любопытно, как мама справится с этой работой, но мама попросила её побыть с Тюлинькой. Когда они ушли, мама приставила дрель к стене, и сверло запело в бетоне. Дырочка получилась в самый раз.

– Ставлю тебе «отлично», – сказал дворник.

– Дворнику всё надо уметь, – сказала мама.

– Почти всё, – согласился он.

– Как думаешь, а я могла бы быть дворником? – спросила мама.

– Ты? – удивился дворник. – По-моему, женщин не берут на такую работу, хотя, кроме топки, ничего мудрёного в ней нет. А вот топку женщине не осилить.

– Но ведь можно специально поучиться, – сказала мама.

– Дело не в этом, – сказал дворник, – раз в месяц надо обязательно прочищать трубы, и тогда приходится орудовать инструментом, который весит раза в четыре больше, чем эта

дрель. И его надо не просто держать в руках, им надо работать. Для этого мне приходится забираться на особую подставку. Нет, это трудно. Да ведь и другая работа тоже нелёгкая. Зимой, к примеру, надо на тракторе расчищать снег, летом подстригать машиной газон...

– Ну, с этими-то машинами я умею управляться, – сказала мама.

– А покрасить кое-что, а постолярничать? А иногда даже ночью приходится вставать, чтобы унять каких-нибудь буянов или драчунов. А ещё надо рано утром упаковывать мусор в мусоросборнике.

– Со всем этим я бы справилась, – сказала мама очень серьёзно.

– Тебе лучше всего попробовать в доме, где отопительная система нагревается электричеством, – сказал дворник. – Только боюсь, что и там тебе будет тяжело, это мужская работа.

– Видишь ли, в чём дело, – сказала мама дворнику, – нам с Гюро негде жить. То есть сейчас мы живём с ней в пансионате, так что крыша над головой у нас есть. Но мы не можем жить там вечно, поэтому мне надо подыскать себе работу с жильём. Вот если бы ты разрешил мне попрактиковаться у тебя! Надо попробовать, что это за работа.

– Это пожалуйста, – сказал истопник. – В любое время, когда тебе будет удобно.

– Ладно, договорились, только сперва я обещала отремон-

тировать одну комнату в пансионате.

Услыхав, что дрель больше не работает, Тюлинька и Гюро вернулись в комнату.

– Мы тоже времени даром не теряли, – сказала Тюлинька, – мы убрали в кухонный шкаф всю посуду, и там осталось ещё очень много места.

– Молодцы, – сказала мама.

Дворник повернулся к Гюро.

– Значит, ты и есть Гюро? – спросил он.

– Да, – ответила она и, подойдя к нему поближе, оглядела его со всех сторон. – Теперь я с тобой немного знакома, – сказала она.

– А я с тобой! – засмеялся дворник, поднял её к самому потолку, а потом осторожно опустил на пол.

Когда он ушёл, Гюро ещё долго радовалась, что ей удалось потрогать рукой потолок: ведь это бывает не каждый день. Мама сходила в магазин и вернулась с мясом, зеленью и картошкой. Она была так весела и столько смеялась, что Гюро с удивлением на неё поглядывала. Да, первый день у Тюлиньки в квартире удался на славу.

– Я должна сфотографировать вас на балконе! – сказала Тюлинька, и мама с Гюро вышли на балкон. От страха Гюро зажмурила глаза, но, когда Тюлинька щёлкнула аппаратом, она сразу их открыла.

Наконец Гюро и мама стали собираться домой, Тюлиньке стало грустно, и голос у неё задрожал.

Выйдя из подъезда, мама и Гюро посмотрели на дом. Тюлинька стояла на балконе и махала им большой красной косынкой. Гюро, откинув голову, замахала ей в ответ. Она так долго смотрела вверх, что у неё закружилась голова.

– Обопрись о меня, а то упадёшь, – сказала ей мама.

Гюро оперлась о маму, и, когда снова подняла голову, ей показалось, что Тюлинька не стоит на балконе, а парит в воздухе.

– А теперь мы с тобой поедem на метро, – сказала мама.

– Это такой трамвай? – спросила Гюро.

– Нет, это скорее поезд, – ответила мама.

Оказалось, что поезд метро состоит из нескольких вагонов, он ехал то под землёй, то по земле, и в каждом вагоне сидело много-много людей. Гюро внимательно их разглядывала, но познакомиться с ними в этот раз ей так и не удалось.

Мама малярничает

На другой день мама начала белить потолок в той комнате, где раньше жила Тюлинька, и Гюро была очень довольна, что осталась не одна, а с Вальдемаром и Кристиной. Конечно, она могла сколько угодно смотреть, как мама работает, но ведь скучно долго стоять, задрвав голову к потолку. Можно было ещё пойти на кухню и посмотреть, как толстая кухарка мешает в огромной кастрюле суп, а молоденькая девушка помогает ей мыть посуду и чистить картошку. Но мама не разрешала Гюро часто заходить на кухню – в этом пансионе считали, что дети всегда мешают, – и хотя Гюро никому не мешала, а тихонько стояла в сторонке и смотрела, она поняла, что на кухне лучше всего быть невидимкой.

Оставался только двор, куда можно было попасть прямо из подъезда. Мама и Гюро решили, что Гюро будет гулять во дворе, а мама время от времени будет поглядывать на неё из окна кухни, чтобы Гюро не чувствовала себя одиноко.

Во дворе было таинственно и необычно. Все окна, выходящие во двор, с любопытством уставились на Гюро. В углу двора стояли бачки с отбросами. Правда, от них не очень хорошо пахло, и мама велела Гюро держаться подальше, но всё-таки это было интересно.

Вальдемар и Кристина были одеты слишком легко и, чтобы они не замёрзли, Гюро завернула их в свой шарф. Нару-

жу у них торчали только носы. Бегать во дворе было негде, и главное, Гюро смущали смотрящие на неё окна, поэтому ей не оставалось ничего иного, как разговаривать с Вальдемаром и Кристиной.

– По-настоящему мы с вами не здесь, а в Гампетрефе, – говорила она куклам. – Мы дома и бежим по старой тропинке. Вы её теперь хорошо знаете.

Она закрыла глаза и отчётливо увидела перед собой знакомую тропинку. Вальдемар и Кристина тоже, конечно, видели эту тропинку, хотя они глаз не закрывали.

Оказывается, можно было стоять неподвижно и играть, будто ты бегаешь. Гюро не знала, сколько времени она простояла во дворе, как вдруг обнаружила, что очень замёрзла. Особенно у неё замёрзли ноги.

Когда она поднялась домой, мама сказала:

– Разденься поскорей и заберись в мою кровать, а я принесу тебе чего-нибудь горячего. Кухарка обещала приготовить нам бутерброды.

Под тёплым одеялом Гюро быстро согрелась. Мама растёрла ей ноги и надела сухие шерстяные носки. А потом они пили какао с бутербродами, и Гюро очень удивлялась, что можно так проголодаться, стоя на одном месте.

– Ты лежи, а я снова пойду красить, – сказала мама, весь халат у неё был в белых пятнах. Представляете себе, как бы она выглядела, если б не надела халата!

В эту минуту маму позвали к телефону. Звонила Тюлинь-

ка.

– Алло! Алло! – сказала Тюлинька. – Сегодня мне поставили телефон! Я уже давно заказала себе номер, ещё когда работала на телеграфе. Как поживает Гюро?

Мама сказала, что Гюро замёрзла на улице и теперь греется в постели.

– Эрле, пусть Гюро поживёт у меня, пока ты занята ремонтом, – предложила Тюлинька. – Если хотите, она будет ночевать дома, а утром ты будешь привозить её ко мне. Я буду её дневной мамой, ладно?

– С удовольствием, если у тебя есть время, – сказала мама.

– Времени у меня больше чем достаточно, – сказала Тюлинька. – Скажи Гюро, чтобы она захватила с собой Вальдемара и Кристину.

– Только мы приедем очень рано, – предупредила мама. – Завтра я начну красить стены. Потолок будет готов уже сегодня.

– Очень хорошо. Я привыкла рано вставать и вовсе не собираюсь отказываться от этой привычки, – сказала Тюлинька.

Наутро мама и Гюро вышли из дома рано-рано, и Гюро увидела совсем новый город, какого она никогда ещё не видела. Со всех сторон спешили на работу люди. Одни так торопились, что почти бежали, другие, казалось, спят на ходу. Они, наверно, встали так поздно, что не успели даже выпить кофе. Зато сам город как будто отдохнул и выспался,

и не так сильно, как днём, пахло выхлопными газами. Гюро очень понравилось идти в метро вместе с потоком людей. В вагоне было так тесно, что места на скамейке хватило только для мамы, она села и посадила Гюро к себе на колени.

Гюро разглядывала пассажиров. Они все были разные. Одни выглядели грустными, и ей хотелось утешить их. Другие, напротив, шумно радовались наступившему дню. Многие везли с собой детей.

– Дети тоже едут на работу? – спросила Гюро.

– Нет, их везут в детский сад, – ответила мама. – Они будут там играть, пока их родители не вернутся с работы. А некоторые, наверно, тоже едут к своим дневным мамам, как ты.

– Я еду к Тюлиньке, а не к маме, – сказала Гюро.

– Давай считать, что это твоя работа. Ты должна постараться, чтобы Тюлинька не чувствовала себя одинокой, – сказала мама.

Гюро взглянула на маму.

– Тогда тебе тоже лучше остаться с нами, – сказала она.

– Я должна красить комнату в пансионате, – сказала мама, – но вечером я к вам приеду.

Гюро промолчала. Она то смотрела в окно, то разглядывала пассажиров, и никто бы по её виду не догадался, что мысли её далеко отсюда. Как же она целый день будет без мамы! Конечно, она будет не одна, а с Тюлинькой, но ведь всё-таки без мамы!

Однако ни в метро, ни по дороге к дому, ни в лифте она не обмолвилась об этом ни словечком.

Тюлинька обрадовалась их приходу. Наверное, ей и в самом деле было очень одиноко, и всё-таки, когда мама, пообещав приехать вечером, стала прощаться, Гюро вцепилась в её пальто.

– Если ты меня непустишь, я опоздаю на поезд, – сказала мама.

– Не уходи! – попросила Гюро.

– Но ведь ты знаешь, что я крашу комнату!

– Гюро, ты не хочешь, чтобы я была твоей дневной мамой? – спросила Тюлинька.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.